

Кудрявцева Раисия Алексеевна

ЭТНОЦЕННОСТНАЯ ПАРАДИГМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ МАРИЙСКОГО РАССКАЗА

Данная статья посвящена изучению механизма актуализации и функционирования этнонациональной аксиосферы в художественной структуре марийского рассказа на материале малой прозы Якова Элексейна 1920-х годов. В ней впервые представляется алгоритм описания этноценностного вектора содержания марийского рассказа, выявляются признаки его проявления в проблематике, топосе, характере и номинации персонажа, в композиции сюжета и интертексте.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 111-114. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

11. Aaberg T., Elvestad E. Mediesosiologi. Oslo, 2012. 164 p.
12. Abel E. Television in International Conflict // The News Media and National and International Conflict. Boulder, CO: West View Press, 1984. P. 63-70.
13. Iyengar S., Kinder D. News That Matters: Television and American Opinion. Chicago, 1987. 196 p.
14. Lowery S., De Fleuer M. Milestones in Mass Communication Research. Media Effects. 3-d ed. N. Y., 1995. 269 p.
15. McCombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of Mass Media. Public Opinion Quarterly, 1972. № 36 (2). P. 176-187.
16. Tomlinson J. Cultural Globalisation: Placing and Displacing the West // The Media Reader: Continuity and Transformation. London, 2002. P. 165-177.
17. Tuchman G. Making News: A Study in the Construction of Reality. N. Y., 1978. 110 p.
18. Tunstall J., Palmer M. Media Moguls. London, 1991. 272 p.
19. Syvertsen T. Mediemangfold. Styling av mediene i et globalisert marked. Kristiansand, 2010. 234 p.

MEDIA-GLOBALIZATION: THE ROLE OF NATIONAL MASS MEDIA IN THE INTERACTION OF COUNTRIES

Kudinova Anastasiya Nikolaevna
M. V. Lomonosov Moscow State University
a.kudinovoy@gmail.com

The article reveals the meaning of the concept “media-globalization” and also the importance of this process for the national mass media in relation to the presentation of events happening abroad or concerning the international relations. The paper identifies the basic advantages and disadvantages of the influence of globalization on media-systems. The author accentuates both the influence of the process of globalization on the Russian mass media and the specifics of representation of this subject in them. At the same time the researcher analyzes the presence of such phenomenon as “natio-globalization”.

Key words and phrases: media-globalization; influence of globalization; national mass media; international relations; Russian mass media; natio-globalization; glocalization.

УДК 821.511.151

Филологические науки

Данная статья посвящена изучению механизма актуализации и функционирования этнонациональной аксиосферы в художественной структуре марийского рассказа на материале малой прозы Якова Алексеина 1920-х годов. В ней впервые представляется алгоритм описания этноценностного вектора содержания марийского рассказа, выявляются признаки его проявления в проблематике, топосе, характере и номинации персонажа, в композиции сюжета и интертексте.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; рассказ; аксиология; поэтика; этноценностная парадигма.

Кудрявцева Раисия Алексеевна, д. филол. н., профессор
Марийский государственный университет
kudsebs@rambler.ru

ЭТНОЦЕННОСТНАЯ ПАРАДИГМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ МАРИЙСКОГО РАССКАЗА ©

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Марийские этнические ценности и структурируемый ими этнический идеал, определяющие специфику мировосприятия и поведенческой модели субъекта литературы как представителя народа, – важнейшая составляющая марийского рассказа на протяжении всего его развития. В данном аспекте марийская литература до настоящего времени остается неизученной. Цель нашей статьи – на примере индивидуально-художественного опыта Якова Алексеина 1920-х годов описать механизм актуализации, проникновения и функционирования этнонациональной аксиосферы в художественной структуре марийского рассказа.

Изучение этноаксиосферы художественного текста, тесно связанное с проблемой выражения в нем национальной идентичности, может проходить в двух направлениях. Литературоведом М. К. Поповой они обозначены следующим образом: с одной стороны, «можно обратить особое внимание на саму проблему и рассматривать литературу как один из источников материала для ее изучения. А с другой – можно попытаться рассмотреть воздействие проблемы на литературу как вид искусства, проанализировать влияние национальной идентичности и национальной ментальности на художественный мир литературных произведений» [2, с. 45].

Второй аспект представляется нам особенно важным, так как литература в нем не теряет своей художественной специфики, не становится простой иллюстрацией философской теории ценностей; она сохраняет

свою уникальность как предмет литературоведческой науки с характерной для нее методологией и технологией анализа. Важность «возвращения» к литературе именно как художественной реальности и к литературному тексту как художественной структурности при изучении проблемы выражения в национальной литературе этнических ценностей убедительно заявлена К. К. Султановым: «Чрезвычайно важно сегодня расширение поля исследования, выход в междисциплинарную сферу, в область внеэстетического, за пределы литературы, изучение внелитературных факторов развития с тем, чтобы вернуться в литературу, используя все очевидные преимущества взгляда со стороны. Это всегда дает новый импульс для бесконечного приближения, понимания специфической для каждой литературы системы ценностей, для отделения субстанции от орнамента, часто и делает перечтение актом переосмысления, возвращающим произведение литературе» [3, с. 20].

В истории развития марийского рассказа можно выделить два фактора актуализации его этноценностного содержания: 1) специфика времени и социокультурной ситуации в ней; 2) творческие пристрастия писателя, природа его таланта. Безусловно, к периодам наибольшего интереса писателей к национальному менталитету и ценностям традициям народа относится начало XX века, озаглавленное в Марийском крае духом революционных преобразований и национально-освободительного движения, и 1920-е годы, наполненные «эйфорией» этнического возрождения и расцвета на основе собственных ценностных авторитетов. В силу способности оперативно реагировать на «вызовы» времени и «мобильности» самой жанровой структуры в центре художественной рецепции народных ценностей закономерно оказался рассказ.

Ярким выражением марийского мировидения в 1920-е годы были рассказы Якова Элексейна. Этнические ценности, определяя авторский идеал и являясь концептуально значимым смыслом его произведений, получали художественное выражение, проникая во все уровни текста. Зачастую именно этноаксиологический вектор нравственно-этической тематики и проблематики (род, дом, народные традиции и человек как носитель определенных качеств), сопряженный с соответствующим ему пафосом, субъектной организацией, символической образностью, системой номинации персонажей, жанровой и стилиевой стратегией, становится средством создания художественного целого.

Указанный вектор содержания в рассказах Элексейна, по сравнению с произведениями других авторов, наиболее явственен в силу того, что, во-первых, в них почти нет крупных социально-общественных проблем (если есть, то социальный план – это, как правило, экспозиция основного действия, средство или фактор создания/переключения на нравственно-этическую линию повествования и бытовую ситуацию). Примером может послужить рассказ «Берестяной короб», начинающийся с дезертирства Чопа из Красной армии в самый разгар Гражданской войны в 1919 году и приближения к родному дому. Природно-бытовое положение персонажа – наилучшая возможность раскрытия характера в его этноценностной перспективе. Во-вторых, Элексейн – писатель с ярко выраженной этнопоэтикой; все его произведения, в том числе рассказы, изобилуют «этнографизмами» и «фольклоризмами» (У. Б. Далгат). Фольклорно-этнографический пласт его рассказов, представляя собой «самые консервативные составляющие» [1, с. 59] культуры, открывает широкие возможности для изучения ценностного мировоззрения народа мари, выраженного в художественной концепции произведения. Основу авторского понимания жизни и людей составляют в рассказах Элексейна такие нравственные ценности, составляющие основу духовно-нравственной культуры марийского народа, как трудолюбие, воля и выдержка, родовая память и честь, семья, мораль, общественное «реноме» и др.

Этноаксиологический анализ произведений Элексейна, на наш взгляд, возможен на следующих уровнях текста: 1) проблематика, 2) природа топоса, 3) семантика характера персонажа, 4) номинация персонажей, 5) композиция сюжета, 6) интертекст.

Составляющие национального «метанарратива» в проблематике рассказов Элексейна: семья, род и жизнь в ладу с сельским миром (не только с природным, но и людским). Дружная, открытая и честная жизнь в семье и миру провозглашается как родовая, патриархальная (этническая) ценность в рассказе «Берестяной короб». Игнорирование ее Чопаем и драматическое переживание этого факта его родителями (глубоко личное и внешне нервно-грубоватое – отцом; эмоционально выраженное, с примесью жалости – матерью) есть нарушение привычного спокойствия семьи и окружающего ее мира, дружного общинного взаимодействия. Мысль о разрушении высоко ценимого народом общественного и душевного лада усиливается контрастной по смыслу картиной природного дружного мира – описанием жизни птичьего леса: «Каких только нет птиц! На одном дереве соловей поет, на другом поет кукушка, на третьем постукивает свою песнь теньковка. Синица, желна, сипуха, дятел, малиновка – всех птиц и назвать-то трудно. Изредка все одновременно своим пением начнут оглашать лес, словно пчелы зашумели в улье. Затихнут на время, потом снова все вместе начнут петь, словно договорившись о начале» [4, с. 6].

В каждом из своих рассказов автор много внимания уделяет описанию природы, избы, деревенского подворья с его бытовыми атрибутами. Традиционный топос Элексейна – это дом, деревня и ближняя к ней территория; жизнь всех персонажей строится как повседневное бытовое, природное, обычное, естественное общение с близким и ближним миром. Жизненная ценность этого мира, онтологическая привязанность к нему предстают как важнейшая этническая составляющая марийского сознания и концептуальная канва идейного мира произведений.

Нравственные ценности народа – основа характера персонажей – и старых, и молодых. При этом этнические эталоны нравственности либо выражаются прямо, и персонажи обозначаются позитивной модусностью (как правило, это все персонажи в возрасте – и главные, и второстепенные, и эпизодические; остальные – в зависимости от ценностной оппозиции, заявленной в произведении), либо они подаются от противного (персонаж как выражение антиценности). И в первом, и во втором случаях писатель естественно «выстраивает»

стереотипы осознаваемого и неосознаваемого этнического поведения. Так, честь рода и семьи в рассказе «Берестяной короб» заставляет отца и мать безжалостно отвернуться от сына-дезертира. Также поступает невеста Чопая: она открыто и прямо отказывается от любимого. Причина – в общественной ценности морали (стыд перед людьми, сородичами и односельчанами). Важна честь в глазах общества: «Не хочу стоять рядом с таким человеком!» [Там же, с. 5] – говорит Росковский жениху-дезертиру.

Труд как главная ценность жизни марийца в рассказах Элексейна более всего поэтизируется в его коллективном варианте. Общий и дружный, упорядоченный самим природным циклом, он предстает как потребность, радость и залог достатка. Именно об этом – начало рассказа «Слова деда»: «Прошел сурем. Народ включился в работу-отдушину, к которой готовился и ждал весь год. Вначале надо скосить, собрать сено, потом убрать рожь, другие злаки. Так марийцы до осени радостно трудятся» [Там же, с. 33]. Дальнейшее повествование в произведении – это добрая беседа деда с внуками в момент разгара общего взрослого труда. Она держится на лавировании от игры (детского труда) к призыванию к труду, имитирующему или облегчающему труд взрослых («приведи теленка», «занесем в дом щепки и затопим печь»), и наоборот. Автор показывает просто, естественно организованное воспитание детей, мудрое обучение их жизни: «И дед Элексей, собрав вокруг себя трех своих внуков, вышел за дом, сел на скамейку в тени раскидистой березы: дети, разместившись вокруг своего любимого деда, начали играть» [Там же]; «Смотрите, дети мои, ваша мать возвращается готовить еду, пойдемте домой. А ты, Инюк, приведи теленка, а мы занесем в дом щепки и затопим печь», – сказав, дед Элексей, ведя за собой маленького внука, заходит в дом» [Там же, с. 35]. Так, «взрослая» радость труда дополняется радостью другого труда – детей и стариков (их соучастия в общем деле), высвечивая гармонично выстроенную производственную и семейно-бытовую жизнь марийцев. Эту радостную гармонию дополняет и собственно природный план, данный по аналогии с людским миром: «Греться на солнце около дома повылезали собаки. Их щенята бегают вприпрыжку, кусая своих матерей за хвост, ухо, пытаются вовлечь их в игру; лишь изредка, приподняв голову, собака-мать делает вид, что тоже кусает своих щенят, и снова замирает» [Там же, с. 33].

Таким образом, этноаксиологическую концепцию рассказа «Слова деда» определяют общий труд и ценности семейного воспитания, общая радость бытия. В непринужденной беседе-игре дед Элексей учит своих внуков элементарным и важным ценностям жизни, главные из них – природа и ее богатства; на основе опыта прошлых лет и современности он утверждает ценность гармоничной жизни человека в природе и умелого обращения с ее богатствами.

Авторская оценка персонажей в рассказах Элексейна в большой мере также основана на нравственно-этических ценностях народа. Это проявляется и в номинации персонажей. Почти во всех произведениях писателя мужские персонажи даны с личными именами, в большинстве случаев – в сочетании со словом «кугыза», указывающим на почтенный их возраст и умудренность жизненным опытом; в то время как их жены все «безымянные», они названы исключительно по имени мужей – чья-то «вате» или «кува» (Критон вате, Япк вате, Пайдыбай кува и др.) – или даже по имени сына («Миклайын аваже»). Такая номинация, по современным понятиям нарушающая равноправие мужчины и женщины, имеет глубокую подоплеку в марийской народной философии; она связана с провозглашением мужчины как ценности в значении «основатель и защитник рода», «эпицентр семьи».

Именной женский антропоним используется, как правило, только применительно к детям, незамужним женщинам (Росковский в рассказе «Берестяной короб», Олюк и Анук в рассказе «Хитрая лиса попадет в лыковый силук») или женщинам, выключенным по нравственным параметрам из авторской положительной модальности, определяемой народным эталоном поведения (Тайра в рассказе «Одна Тайра на семь Шайра»). Выбор самого имени «Тайра» (вариант «Тарля») запрограммирован народным сознанием (это обозначение неумного, развязного и неуважаемого в народе человека).

Каждый персонаж окружен множеством слов, обозначающих родственные связи, словно специально повторяемых, нанизываемых автором друг на друга. Так, к примеру, построена несобственно-прямая речь Чопая в рассказе «Берестяной короб»: «Он опять начал думать. В голову лезет всякий мусор. Вот, например, жизнь в семье. Его в семье называли – упрямым ребенком». Отец его много учил, и ругал, не один раз и по спине надавал. Между отцом и матерью из-за него и ссоры происходили. Мать его всегда защищала» [Там же, с. 5]. Нагромождение лексики, обозначающей родство, мы видим в рассматриваемом рассказе также и в описании событий, и в прямой речи персонажей: «Вечером мать принесла ему буханку хлеба и творожник.

– Сынок, ты, наверно, совсем донял своего отца...» [Там же]. Родители Чопая в тексте вообще не названы по имени, что, по всей видимости, связано с обобщающей этноаксиологической концептуальной идеей рассказа, заключающейся в утверждении такой ценности, как семья (в данном ценностном контексте актуализируются общие характеристики структуры и целостности семьи).

Значимостью семьи и семейных отношений в рассказах Элексейна обосновано и то, что образ незамужней девушки, например в размышлениях молодого парня (рассказ «Берестяной короб»), создается многократным повторением слово «жена»; образ молодых людей обязательно предстает в проекции перспективы возможной женитьбы или замужества. Приведем в качестве примера внутренний монолог Чопая: «Росковский меня любит. Она станет моей женой. До сих пор храню в сердце слова Росковский: –Сходи в армию, бейте и прогоните врага, потом хорошо поговорим. Кто знает, может, и женой твоей буду», – сказала она. – А я...» [Там же]. Осознание реальной опасности того, что обрушится запланированное счастье в семье и с любящей женой, усугубляет и без того драматические переживания Чопая, связанные с его дезертирством из армии. Автор доказывает, что

выключение из этнического кода «семья как ценность» столь же, а может, даже более драматично, чем состояние дезертирства. И герой прятался не только от армии, но и от собственного стыда перед миром.

Элексейн, согласно народному представлению, утверждает моральную чистоту, честность и порядочность в отношениях между людьми, между мужчиной и женщиной. Эти ценности «открываются» в произведении через изучение композиции сюжета рассказов. Именно этноаксиологической идеей объясняется введение тех или иных ситуаций, сюжетных линий. Так, в рассказе «Одна Тайра на семь Шайра» такой художественной функцией обозначена внешне полушутливая ситуация написания письма солдатом, прикинувшимся инвалидом якобы в результате боевого ранения, а на самом деле сознательно устроившим экзамен своим женщинам (в рассказе – «любвный треугольник») на искренность чувства, честность и порядочность. Встречать «раненого» героя с фронта выходит не «шелковая» и легкомысленная Тайра, а его жена, по-настоящему любящая, способная сопереживать и поддерживать семью («Садись на телегу, нас ждут два наших сына» [Там же, с. 47] – такими словами заканчивается рассказ).

В другом рассказе «Пётр, живущий на краю оврага» трудолюбие (почти экзистенциальное состояние), здоровый прагматизм, упрямство и воля как главные нравственные ценности марийского народа (все вместе они составляют некое «упорство жизни», позволяющее выжить ему в любой бытовой, социальной, исторической ситуации) выражены в выстроенной в биографическом ключе сюжетной линии. Оптимистический итог драматической жизни Петра подспудно связывается автором с его верностью народной системе ценностей, что, собственно, и стало фактором его «награждения» личным счастьем и материальным достатком.

Этноценностную семантику Элексейн часто выражает с помощью фольклорного интертекста (пословиц, поговорок, запретов-ойёрё, молитв). Например, именно пословица «Хитрая лиса попадет в лыковый силок», вынесенная в название рассказа, становится сюжетно-композиционной мотивировкой концепции рассказа, в основе которой утверждение такой важной народной ценности, как знание. Житейская хитрость и обман, выставленные жадным и туповатым Критоном в качестве замены знаниям, объявляются автором антиценностью. Критон и его жена оказываются жертвами своего воинствующего невежества: за проданную корову, скрываемую от налогов, покупатели расплатились с ними, не умеющими читать, вместо денег этикетками от головных платков; а за сокрытие доходов (коровы) и неуплату налога пришла им повестка в суд, и нечем расплачиваться по предстоящему штрафу. «Теперь все пропало! И дома нашего не будет. Не можем жить, как Советы велют... Запутались в лыковом силке...» [Там же, с. 32] – заключает в конце рассказа Критон, вынужденный признать ложность своих жизненных ценностей.

Итак, на примере произведений Я. Элексейна мы доказали, что народная аксиология, проникая в те или иные содержательные и содержательно-формальные компоненты текста, становится средством их объединения в единое художественное целое; она составляет в марийском рассказе самое ядро авторской концепции. Этнонравственную составляющую художественного содержания рассказов вряд ли может затмить господствовавший в «советской» литературе 1920-х годов «марксистский метанарратив исторического прогресса, закономерно ведущий от социального неравенства через освободительные и революционные движения к высшей цели построения коммунистического общества» [5, с. 11]. Указанный «метанарратив», безусловно, присутствует в рассказах (это прослеживается и в прозе Я. Элексейна), но не в виде господствующей идеи, а лишь как фоновые социально-исторические реалии, коды времени, запечатленные штрихами в авторском повествовании, в сознании и речи персонажей.

Список литературы

1. Глухова Н. Н., Кудрявцева Р. А. Исследование марийской этноидентичности по материалам фольклора и литературы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. II. С. 58-61.
2. Попова М. К. Проблема национальной идентичности и литература // Вестник Воронежского государственного университета. Серия I. Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 45-48.
3. Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 196 с.
4. Элексейн Я. А. Ормёк: повесть, ойлмыш, легенда / сост. А. Е. Китиков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 128 с.
5. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2006. 559 с.

THE ETHNO-VALUE PARADIGM OF THE LITERARY STRUCTURE OF THE MARI SHORT STORY

Kudryavtseva Raisiya Alekseevna, Doctor in Philology, Professor
Mari State University
kudsebs@rambler.ru

The article is devoted to the study of the mechanism of actualization and functioning of ethno-value axiosphere in the literary structure of the Mari short story by the material of Yakov Eleksein's short fiction of the 1920s. The algorithm of the description of the ethno-value vector of the Mari short story content is presented for the first time, the indications of its manifestation in the problematic, topos, temper and nomination of a character, in the plot composition and intertext are revealed.

Key words and phrases: Mari literature; short story; axiology; poetics; ethno-value paradigm.